

Стойкость и терпение — бытовое, экзистенциальное, любое из возможных. Это девиз нынешнего момента, но это и суть романа Джона Уильямса «Стоунер». Сама судьба книги соответствующая: впервые издана 55 лет назад, замечена не была, и только в начале нового века «выстрелила». Да еще как! Переведена на все языки, названа «величайшим неизвестным американским романом». У нас издана 5 лет назад, сейчас заходит на рынок повторно. Надеюсь, прочитает больше людей — момент располагает.

В книге рассказана история жизни преподавателя литературы из глубокой южной провинции Штатов. Сорок лет он, сын простых фермеров, и сам похожий на них, преподавал в заштатном колледже. Был небогат, жил в неудачном браке, и у дочери судьба не сложилась... Его единственная любовь прошла мимо.

Он только преподавал, только любил свое дело и литературу. И эта любовь, эта преданность делу, спокойные, твердые — поражают.

Ну разве можно так любить свою рутинную работу, не мечтая о большем? Разве можно любить так, прости, господи, литературу? Знаем мы их, ни та, ни другая любви и преданности не заслуживают! Стоунер был уверен в обратном. Ноль истерики. Ноль сомнения в своих принципах (элементарных принципах честного человека). Stoner переводится как «неудачник» (и даже презрительно «укурок», «наркоша») — но и как «камнедробительная машина». Как достойно, спокойно, даже с удовольствием тащить этот тяжеленный камень-жизнь? Так, как делал это Стоунер.

Конечно, этот роман отсылает нас к русской литературе девятнадцатого века. Вот если бы убрать из нее истерики, политику, деньги — а также морализаторство и отвлеченные рассуждения, — добавить грустного юмора и свободы рассуждений, получится «Стоунер». Не надо, конечно, убирать. Мы нашу классику любим — но не так, как вечный доцент Стоунер свою. Автору как-то удалось показать его не сухарем, не занудой, но, извините за банальность, живым, держащим себя в рамках культуры и порядочности человеком. Не случайно в самом конце жизни, в последние ее секунды он получает неожиданную, но логичную и заслуженную символическую награду — и я вам не скажу какую.

Что касается стилистики и самой ткани повествования, то Уильямс блестяще соединил классику и модернизм середины века. Льва Толстого и Уильяма Фолкнера (им обоим он многим обязан). Спустя 55 лет сплав остается актуальным. Повествование идет медленно, но верно — и абсолютно не скучно, тем более что всего-то 300 страниц. И это правильные страницы! Отметим и перевод Леонида Мотылева. Цитата, даже две, из самого начала и самого конца книги: «Хотя его родители, когда он появился на свет, были молоды — отцу исполнилось двадцать пять, матери всего двадцать, — Стоунер даже в детстве думал о них как о стариках. В тридцать отец выглядел на все пятьдесят; сутулый от трудов, он безнадежными глазами смотрел на участок засушливой земли, который позволял семье кое-как перебиваться от года к году. Для матери вся ее жизнь, казалось, была долгим промежутком,

который надо перетерпеть....Желания умирать он не испытывал; но после отъезда Грейс случались минуты, когда он смотрел вперед с нетерпением, как если бы ему предстояло не особенно желанное, но необходимое путешествие. И, как у всякого перед дальней поездкой, у него было чувство, что надо успеть до нее многое сделать; но он не мог сообразить, что именно».

«Стоунер» — роман о человеке, который всегда имел под ногами твердую почву. Даже две — почву своей малой родины и почву культуры. Герой книги смело может быть назван интеллигентом-почвенником. Да, Стоунер реабилитирует своим примером это словечко. Допустим, насчет интеллигентности — это важно для нас, русских. Но именно почвенность Стоуна поразила весь читающий мир. Наличие корней, связь с землей, дающей Стоунеру и силы, и сами принципы, — то, к чему тянутся все, особенно в «минуты роковые».